Автор: Оргкомитет
21.05.2013 00:01

1 место

Игорь ЛУКШТ, Москва (Россия). "Чарка на посох"

Чарка на посох

Ушли, поклонившись младенцу, волхвы…
Густые снега заметают округу -
замёрзшее озеро, лодки, лачуги
и берег покатый с клоками травы.
Под хриплые вздохи студёного норда,
на землю нисходят крахмальные орды,
в утробах шурша облаков кочевых.
Печатью ложится холодный покров
на дранку бараков и золото храмов,
харчевни, жилища, кладбищенский мрамор,
на реки во льду и горбины мостов.
Прозрачна печаль, словно чарка на посох, -
всё сыплется сонно небесное просо,
мир светел, как лунь, отрешён и суров...
Испей свою чашу, калика, молчком,
нам с детства дарована тёплая доля -

петь гимны в тисках золочёной неволи
да оды слагать окровавленным ртом…
Но с нами дорога, и небо, и слово.
Но нищая муза к скитаньям готова -
кого же ты в хоженье славишь своём?

“Влекома любовью и болью, по ком
рыдает душа в долгих шелестах вьюги?
Скрипит над державой заржавленный флюгер –
всё царь, всё разбойник, всё шут с бубенцом,
то юг полыхает, то запад дымится…
И мечется сердце в багряной темнице,
и горло тревожит мольбой и стихом...
С псалтырью и хлебом, нежданы никем,
под небом высоким угрюмой отчизны
по градам и весям, от детства до тризны,
поём ли, глаголем в негромкой строке
о Боге и свете! О льве златокудром…
Пусть будет язык наш, как снег, целомудрен,
как звёздная россыпь на Млечной реке”…

Смеркается рано, мой певческий брат.
Крещенье. Крепчает январская стужа -
позёмка над вёрстами дальними кружит,
и путь непокойный метелью чреват.
Лишь белая чайка, в смятенье и хладе,
над нами поводит крылом в снегопаде,
и горние крохи ей клюв серебрят.

2 место

Михаил ЮДОВСКИЙ, Франкенталь (Германия). "Ты говорила мне, будто летала над Витебском"

Брейгель

В непросторных, но жарко натопленных хижинах,
Где уютный огонь, подружившись с камином,
Процарапывал контур фигур обездвиженных
На расплывшемся сумраке нежным кармином,
И от скуки заигрывал с утварью кухонной,
И крахмальную скатерть поглаживал робко,
И бока щекотал котелку меднобрюхому,
Где, ворочаясь сонно, ворчала похлебка –
В этих хижинах всё, от краев подлокотника

До проема окна с неприкрытою ставней,
Ожидало, застыв, возвращенья охотника,
Что ушел за добычей. А, может быть, стал ей.

Времена осыпались, белели и снежили,
Восхвалялись землей, небесами радели
И казались куда благодатнее, нежели
В неприглядной жестокости были на деле,
Разоряли дотла непокорные вотчины,
Малевали свой лик на священных иконах
И по снегу прошлись отпечатками волчьими,
Расписавшись в не менее волчьих законах.

В молчаливом лесу, где январское зодчество
Обнажает борьбу между светом и тенью,
Понимаешь, насколько сродни одиночество
Осознанью, бесстрашью и благословенью.
Забываются те, для кого ты стараешься
И по снегу шагаешь с заточенной жердью,
Словно ею черту провести собираешься
Между собственной жизнью и чьею-то смертью.
Вечный голод и холод роднят тебя с городом
И на этой дороге, суровой и длинной,
То представишь лису на плаще твоем воротом,
То оленя тушенной в котле олениной.

Из-за дальних холмов надвигаются сумерки,
Проникая под сердце зимою и тьмою.
Возвращаться с пустою охотничьей сумкою
Всё равно что по свету скитаться с сумою.
Ты спускаешься долу, следами уродуя
Этот снежный покров, этот саван Господен,
Из пустынного мира с жестокой свободою
В обитаемый мир, где никто не свободен.
Поднимаются хижины бурыми пятнами
Валит дым из трубы с величавою спесью.

И неясно, под кровлю вернуться обратно ли
Или мимо пройти и шагнуть в поднебесье.

3 место

Игорь ЛУКШТ, Москва (Россия). "Чарка на посох"

На Трубеже

Полощет дева на мостках
тряпицы розовых рубах.
Чуть в дымке, в зеркале реки
белеют рук тугие стебли -
живую гладь воды колеблют
и нежных лилий хохолки.

Кувшинок круглые листы,
что блюдца, мыты и чисты…
Косит лазоревым зрачком
Алёнин глаз, как на иконе,
язями плещутся ладони
над пескариным бытиём,

полны и лунны, как сервиз,
колени под глазурью брызг.
В плетенье трав на берегу
хрустит ребёнок босоногий
румяным яблоком, и боги
покой и Трубеж берегут:

лодчонок деревянных скрип,
грачиный хор, суров и хрипл,
на сходнях стуки топоров,
лёт ласточек, высокий, вёрткий,
далёкий говорок моторки
и свежий рыбарей улов.

А в голубых тенях ракит
на волнах церковка рябит,
мерцает синий куполок
людской заступницы Марии,
дробятся башенки лепные,
свод неба светел и глубок…

4 место

Ина Голдин, Париж (Франция). "Сосновице"

Сосновице

При переезде нашлась
Семейная фотография
Желтые четкие
Лица мертвецов

Мертвецы всегда глядят
Серьезно
Светловолосая женщина,
Светлоглазый ребенок
В крестильной рубашке
На фальшивом море
В ожидании давно упорхнувшей птички
Представляется ателье
Залитое солнцем
Суетящийся чернявый фотограф
(До гетто - еще полвека)
Подписавший в углу фотографии:
"Сосновице"
Стершейся печатью чужой памяти
Тени моих предков приписаны
К Вильно, ко Львову, к Барановичам,
Их документы хранятся
В разбомбленной ратуше
Польского городка
Они бродят, неслышно и упорно
...Сосновице там нет.
Я звоню матери
Она говорит
Я не помню такой фотографии
Наверное, это не наша
У кого сейчас спросишь
Тени моих предков
Уходят из Вильно
Уходят из Барановичей
Неслышно на заре
Покидают Львов
Растворяются в пустоте
Пожелтевших зрачков
Мертвецов на фото
Мои предки ушли
Их больше нет.

5 место

ЮДОВСКИЙ Михаил, Франкенталь (Германия). "Ты говорила мне, будто летала над Витебском"

Лорка, или полет бабочки

Утро появляется из темноты,

Как из кокона, покрытое серой пылью.
Сердце лепестков распахивают цветы.
Бабочка разворачивает крылья
И летит. Ее неправильная красивая тень
Движется по земле, окруженная светом.
Жизнь – это первый и последний день.
Но нужно ли бабочке знать об этом?

Бабочка летит. Что она видит вдали?
Всякий полет ярок. Всякая цель нелепа.
Крылья опускаются в сторону земли.
Крылья поднимаются в сторону неба.
Сердечный труд и телесная лень
Свойственны бабочкам и поэтам.
Жизнь – это первый и последний день.
Но нужно ли бабочке знать об этом?

Бабочка летит. В белом цвету
Стоят апельсиновые деревья.
Хочется всё полюбить на лету –
Для любви хватает и однодневья.
Полюбить миндаль, полюбить сирень,
Промелькнуть над крокусом и первоцветом.
Жизнь – это первый и последний день.
Но нужно ли бабочке знать об этом?

Как ни пёстры крылья, но мир пестрей,
То запачкан кровью, то отмыт небесами.
Бабочка летит медленно – пуля летит быстрей,
Замерев на мгновение перед глазами.
Пули цель известна, и она точь-в-точь
Попадет в цель по знакомым метам.
Смерть – это первая и последняя ночь.
Но нужно ли бабочке знать об этом?

6 место

ЮДОВСКИЙ Михаил, Франкенталь (Германия). "Ты говорила мне, будто летала над Витебском"

* * *

Ты говорила мне, будто летала над Витебском,
Будто бы город казался не больше, чем вытиском
С нежно любимого мной и тобой полотна –

С хатами, церковью, скрытыми дымкой предместьями.
Я тебя спрашивал: «Разве летали не вместе мы?»
Ты отвечала мне: «Нет, я летала одна».
«Где же был я?» «Я не знаю. Но там тебя не было».
«Я понимаю. Ошибся, наверное, небом я
И залетел не туда». «И, похоже, не с той», –
Ты отвечала с какой-то насмешливой горечью.
«Ты, очевидно, готова считать меня сволочью?»
«Я, очевидно, считаю тебя пустотой».
Радость моя, прекратим бесполезные споры мы –
Мы заблудились с тобою по разные стороны.
Сбиться с пути в сновиденьях моих и твоих
Проще простого. Когда-нибудь горечь уляжется,
Время покатится дальше под горку. Но, кажется,
Больше не снятся нам общие сны на двоих.
Я в сновиденьях твоих стал изгоем и выкрестом,
Я не летаю с тобою по небу над Витебском,
Мне не под силу начало по новой начать.
Всё-таки чем-то большое разнится от малого,
Всё-таки богово – Богу, Шагалу – шагалово...
«Что ты молчишь?» «Потому что мне легче молчать».
Я ухожу за холстом, за кистями и красками,
Зная, что должен мазками расправиться с масками,
Чтобы не сделалась домом родным западня.
Я затеваю заведомо что-то нелепое.
Хочешь – гляди, как пишу незнакомое небо я,
Там, где не будет тебя. И не будет меня.

7 место

НЕМАРСКАЯ Марина , С-Петербург (Россия) . «Добро от добра»

* * *

умрешь от сердца, но и живешь от сердца,
пока на лоджии сушатся полотенца,
и медлит в воздухе запах холодных яблок,
и бельевая веревка слегка ослабла.

умрешь, пока звучит концерт для валторны
из радио точки на кухне, возле уборной,
и жизнь легка, как бабочка в мукомольне,
и помнишь боль, и не помнишь себя от боли.

8 место

Дынкин Михаил, Ашдод (Израиль). "Три стихотворения"

* * *

волновалась над кровлями осень
растекалась под пальцами кровь
просыпался Прекрасный Иосиф
в окружении тощих коров

потолок изучал равнодушно
под симфонию ржавых пружин
а в окне дирижаблевы туши
проплывали
и скверик кружил

неказистый такой, из бездомных
с голубятней на голом плече
и гонялся за скверикoм дворник
осенённый метлой из лучей

фараон наклонялся над ними
хмурил лоб эбонитовый...
дул
Шу, в зарю погружая ступни, и
вверх тормашками в первом ряду

светотени ладоши сдвигали
так что сыпались листья с осин
золотыми сучили ногами
на траву опускались без сил

время, пятясь, из комнаты вышло
чиркал луч о сухую постель
замычал патриарх неподвижный
на полу меж коровьих костей

9 место

ЧЕРСКОВ Сергей, Донской (Россия). "Чистый пустой лист"

Дядя Лёша

Был дядя Лёша -

Дяди Лёши нет.
Азартно пил и наконец упился -
Забавный и неугомонный дед,
Когда-то отмотавший за убийство.

К подъезду гроб спустили. Ожил двор.
Народ собрался - ахи, охи, всхлипы...
Я слышу пиццикато - перебор
Когда-то им самим рождённой скрипки.

Мне первому её он показал -
Поглаживал по грифу, чуть не плача:
- Эх, помнят руки, погляди, пацан,
Почти готова, завтра буду лачить...

Рыбачил, забывая всё и вся...
С весёлым пролетарским красноречьем
Рассказывал, как чудо-карася
Измором брал на нашей чудо-речке.

Ладонью вытирал с обложек пыль,
Давая мне читать романы Яна...
Он много пил, конечно, крепко пил,
Но странно - я его не помню пьяным.

Он счастлив был, что ночи здесь тихи,
Что изредка они ему крошили,
Как хлеб для птицы, горькие стихи,
Его стихи...Но он любил чужие.

Сегодня тянет холодом с реки.
Придёт сентябрь. Потом - другое лето.
Но запертые горькие стихи
Останутся кричать в тетрадных клетках.

10 место

СПАРБЕР Александр , Москва (Россия) . "Другая жизнь"

Пьяное

Погляди – за окошком зима. И над голыми кронами,
над балконами башен, подставивших ветру бока –
растекается воздух – тягучий и полный воронами –
черно-серыми пифиями, фанатками Спартака.

Завтра грянет весна! – так кричат они. – Снова зелеными
станут ветки, деревья; пробьётся, окрепнет трава,
и тогда, и тогда – мы закружимся над стадионами!
Завтра грянет весна! Завтра грянет весна! – но сперва –

(так пророчат они - распростёрты, крикливы, юродивы –
им известно скрипенье веков и биенье минут) –
– Но сперва, но сперва – вы помрёте, помрёте, помрёте вы,
И все матери ваши помрут, помрут, помрут!

Обними меня.
Заверни меня в кокон. Зачем всё так кружится…
Воздух полон воронами – так, что не видно ни зги…
Пожалуйста,
помоги мне укрыться от этого ужаса
Пожалуйста,
помоги.